ИЗДАНІЕ „РАБОЧАГО ЗНАМЕНИ“

# ШПІОНЪ

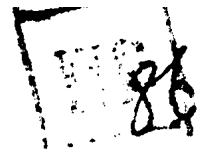
## (КАРТИНКА ИЗЪ ЖИЗНИ)

*Съ польскаго.*

БЕРНСК ГРУППА
РОС.СОЦ.DEM.РАБ

Второе изданіе.

1899



103105

# ШПІОНЪ

(Картинка изъ жизни).

БЕРНСК ГРУППА
РОС. ДЕМ.РА

Въ дѣтствѣ онъ почти ничѣмъ не отличался отъ многихъ другихъ мальчиковъ его возраста, развѣ только нѣкоторымъ недостаткомъ того, что называютъ сердцемъ. Въ нуждѣ и недостаткѣ онъ росъ уличнымъ мальчишкой безъ всякаго надзора со стороны занятыхъ родителей, и его добрые и злые инстинкты, не поощряемые и не сдерживаемые умѣлой рукой, могли развиваться или глохнуть подобно дикой травѣ въ полѣ.

Въ ученье его отдали довольно рано; дома и безъ него было довольно тѣсно и голодно. Мастеръ, къ которому онъ попалъ, былъ необыкновенно злой человѣкъ. Раздражительный и скупой, онъ постоянно пилилъ своихъ рабочихъ, а для учениковъ онъ былъ настоящимъ палачомъ: билъ ихъ, морилъ голодомъ и заставлялъ столько работать, что имъ едва

оставалось 4—5 часовъ въ сутки на сонъ и отдыхъ. „Нашъ мастеръ честный человѣкъ,— съ ироніей говорили рабочіе, — если онъ долженъ 10 руб., то хоть три, но, непремѣнно, отдастъ“. „Да добрый, очёнь добрый человѣкъ, — замѣчалъ другой, — я самъ видѣлъ, какъ онъ горько плакалъ надъ однимъ бѣднякомъ, съ котораго, увы, онъ уже ничего не могъ содрать“.

Когда мальчикъ очутился въ этомъ аду, то онъ вначалѣ метался, какъ дикій звѣрекъ въ клѣткѣ; онъ пробовалъ даже убѣжать, но въ скоромъ времени желѣзная рука хозяина усмирила его. Онъ понялъ, наконецъ, что долженъ терпѣть, пока не окончится срокъ его ученья, и только старался немного облегчить свою участь, сваливая всѣ бѣды на головы своихъ товарищей. Лгать и подлизываться онъ научился прекрасно, стараясь снискать себѣ расположеніе хозяина и хозяйки. Случай помогъ ему и его старанія увѣнчались успѣхомъ.

Наступили именины хозяйки. Нашъ мальчуганъ сталъ уговаривать товарищей, чтобы каждый купилъ свѣчку и по окончаніи работъ зажегъ ихъ у окна въ честь хозяйки. Тѣ сначала не соглашались, но въ концѣ концовъ уступили, свѣчи были куплены и въ условленное время зажжены. Въ мастерской стало необыкновенно свѣтло. Такое небыва-

лое явленіе привлекло вниманіе хозяйки и она вихремъ влетѣла въ мастерскую.

— Что это такое! — закричала она, — какъ вы смѣете жечь свѣчи!...

Мальчики молчали и испуганно жались другъ къ дружкѣ, и только виновникъ неожиданной иллюминаціи нашелъ въ себѣ достаточно храбрости, чтобы отозваться:

— Это мы за собственныя деньги въ честь дорогой хозяйки, которую мы очень любимъ. Это я имъ посовѣтовалъ...

Въ виду такого неожиданнаго доказательства признательности къ ней, хозяйка смѣнила гнѣвъ на милость, дала каждому мальчику по серебрянному пятачку и даже позвала ихъ всѣхъ къ себѣ на ужинъ.

— Какъ это пришло тебѣ въ голову? — спросила она позже мальчугана.

— Потому что я очень люблю хозяйку, а они не хотѣли, говорили, что хозяйка — „жила“ и для нея ничего не стоитъ дѣлать. Я ихъ еле уговорилъ, а самъ такъ даже купилъ три свѣчки! — солгалъ мальчикъ.

— Ужъ я имъ покажу „жилу“! — закричала хозяйка и дѣйствительно показала. Всѣмъ здорово досталось послѣ этихъ свѣчекъ, но зато нашъ прожекторъ сдѣлался любимцемъ хозяйки. Не было ему особенно хорошо, но все же лучше, чѣмъ другимъ. Онъ пользо-

вался также довѣріемъ хозяина и, когда тотъ его спрашивалъ о товарищахъ, онъ всегда старался ихъ очернить. За эти подвиги товарищи его прозвали Попіолкомъ *), и это прозвище такъ и осталось за нимъ навсегда.

Когда кончился срокъ ученья, Попіолекъ поступилъ въ качествѣ рабочаго на большую фабрику. По сравненію съ прошлымъ его положеніе теперь значительно улучшилось и онъ былъ доволенъ. Но когда онъ сталъ внимательнѣе присматриваться къ окружающей жизни, то увидѣлъ, что на многихъ другихъ фабрикахъ платятъ гораздо больше, что тѣ лучшія условія, въ которыхъ онъ очутился, едва даютъ возможность уберечься отъ нужды и что, если его заработка хватаетъ, чтобы прожить кое какъ холостякомъ, то ужъ ни въ какомъ случаѣ онъ не могъ бы прокормить имъ семью. А ему какъ разъ очень понравилась одна изъ фабричныхъ работницъ и въ глубинѣ души онъ мечталъ о своемъ будущемъ счастьѣ, если только сумѣетъ понравиться красивой Юзефѣ.

Это было въ то время, когда сознательное отношеніе къ своему бѣдственному положенію впервые стало проникать въ рабочую среду.

---

*) Popiołek — уменьш. слова popioł — прахъ, ничтожество.

Стачки вспыхивали то здѣсь, то тамъ. Но рабочіе той фабрики, на которой работалъ Поліолекъ, хуже оплачиваемые, болѣе угнетаемые и потому менѣе развитые, пока равнодушно прислушивались къ тому, что дѣлалось на другихъ фабрикахъ. О соціалистахъ среди нихъ разсказывалось, что тѣ хотятъ уничтожить все, что есть хорошаго и святого на бѣломъ свѣтѣ, а рабочихъ губятъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, подстрекая ихъ ко всему злому. Фабриканты и мастера, которые сами распускали эти сказки среди рабочихъ, съ удовольствіемъ прислушивались къ этимъ разговорамъ, добавляя иногда кое что и отъ себя.

Но вотъ разошлась вѣсть о стачкѣ на большой фабрикѣ, расположенной на той же улицѣ. Это заинтересовало всѣхъ рабочихъ: извѣстія схватывались на лету и постоянно обсуждались. Фабрикантъ ходилъ пасмурный. Стачечники выказали солидарность и стойкость и продержались двѣ недѣли. Полиція пустила въ ходъ разныя уловки,— то мирно уговаривала взяться за работу, то угрожала, появились и казаки, но рабочіе держались крѣпко, смѣло высказывали свои требованія, и въ концѣ концовъ имъ должны были уступить, повысивъ на два рубля недѣльную плату. Вѣсть объ этой побѣдѣ широко разнес-

лась среди рабочаго люда, придавая храбрость и возбуждая надежды.

На товарищей Поліолка столь близкій и очевидный примѣръ сильно подѣйствовалъ. Стали подсчитывать свои заработки и оказалось, что они страшно малы, меньше чѣмъ гдѣ бы то ни было, и что только необходимѣйшая часть ихъ потребностей можетъ быть удовлетворена такимъ заработкомъ. Появились какія то книжки, которыя съ интересомъ читались рабочими. И чего въ нихъ не было: рабочіе читали и яснѣе стали понимать, какъ ихъ угнетаютъ и эксплуатируютъ; убѣждались, что ихъ тяжелое положеніе поправимо, и что на землѣ для всѣхъ хватило бы хлѣба и счастья, которые теперь являются только удѣломъ богачей. „Вы сами должны добиться улучшенія своего положенія, — говорили эти книжки рабочимъ, — добиться силой, потому что по доброй волѣ вамъ никто ничего не дастъ, а ваша сила въ солидарности!“ Посѣянное попало на благодарную почву и дало богатые всходы.

— Надо напомнить о своихъ нуждахъ и потребовать ихъ удовлетворенія, — сказали себѣ нѣкоторые рабочіе и порѣшили забастовать. А чтобы стачка лучше удалась, они начали устраивать собранія, на которыхъ обсуждалось это дѣло и куда привлекались по-

стоянно все новые товарищи. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Попіолекъ.

Все, что онъ тамъ слышалъ, ему очень нравилось; да и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ ему быть самому себѣ врагомъ и не желать увеличенія заработка? Онъ даже сталъ по этому поводу предаваться различнымъ мечтамъ, въ которыхъ красивая Юзефа занимала видное мѣсто. Она тоже была проникнута общимъ дѣломъ, и это обстоятельство значительно содѣйствовало тому, что Попіолекъ присоединился къ стачкѣ. И все таки, когда ему вспоминались казаки и жандармы, то морозъ пробѣгалъ по его кожѣ. Но мечты о лучшей жизни въ концѣ концовъ взяли верхъ. „Э, что тамъ, — думалъ онъ, — не дуракъ я, чтобы лѣзть впередъ; я не попадусь“.

Еще было совсѣмъ темно, когда рѣзкій свистокъ паровика оповѣстилъ собравшимся на фабричномъ дворѣ рабочимъ начало работъ. Въ толпѣ раздался смѣхъ.

— Свисти себѣ! — отозвались нѣкоторые, но никто не двинулся.

Изъ фабрики вышелъ сильно разгнѣванный мастеръ.

— На работу! — крикнулъ онъ.

Начался крикъ, шумъ, смятеніе... Мастера бѣгали, какъ ошалѣлые, приказывая, упрашивая — ничего не помогло!

— Бунтъ, стачка! — кричали они съ ужасомъ.

Появился и фабрикантъ.

— Дураки! — закричалъ онъ, стоя на порогѣ, — я не спрашиваю у васъ, чего вамъ нужно, я это наперед знаю: вамъ захотѣлось повышенія платы и уменьшенія рабочаго дня. Вы думаете, что тѣмъ удалось, то и вы чего нибудь добьетесь! Такъ нѣтъ же! Я не такой пугливый. Маршъ, на работу! живо!

— Ты угадалъ, кровопійца! — послышались въ отвѣтъ голоса, — потому что отлично знаешь о нашей нуждѣ и нищитѣ. Ты упорствуешь, но и мы не уступимъ. Плати больше, такъ мы будемъ работать.

— Такъ я призову казаковъ!

— Отлично, пусть они за насъ работаютъ, — отвѣтила толпа и двинулась къ воротамъ.

Но фабрикантъ оказался человѣкомъ предупредительнымъ и прежде, чѣмъ выйти для переговоровъ съ рабочими извѣстилъ по телефону о случившемся полицію. Власти же, уже раньше встревоженныя тѣмъ, что предыдущая стачка кончилась побѣдой рабочихъ, порѣшили употребить всѣ средства, чтобы помѣшать ихъ дальнѣйшему распространенію. Поэтому, когда подъ напоромъ рабочихъ во-

рота отворились, то оказалось, что за ними стоятъ ряды казаковъ и полиціи.

— За работу, сволочи, лѣнтяи, сукины сыны! — оралъ приставъ.

— Что это — рабство? — отвѣтили ему.— Хотимъ работать,— работаемъ, а когда мало платятъ, мы бросаемъ работу...

— Воля или рабство — это все равно, а бунтовать нельзя. Я вамъ покажу, мятежники, что значитъ не слушать фабриканта и царя!

Въ виду такой сильной помощи, мастера пріободрились и съ ругательствами набросились на рабочихъ, гоняя ихъ на работу; казаки же все сильнѣе напирали на толпу.

Видя, что тутъ затѣвается, Попіолекъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса. „Скверно, — подумалъ онъ, — нужно спасаться“. На другомъ концѣ двора была калитка; онъ рѣшилъ выбраться черезъ нее на улицу и, прикрываясь высокимъ заборомъ, удрать. Но какъ только онъ выбрался на улицу и началъ бѣжать, онъ услышалъ за собою конскій топотъ и въ ту же минуту двѣ казацкія нагайки скрестились на его плечахъ. Онъ упалъ. Его схватили за шиворотъ и потащили обратно.

— Давайте-ка его сюда! — крикнулъ только что прибывшій жандармскій офицеръ, — это несомнѣнно зачинщикъ.

Избитаго, изнеможеннаго схватила его полиція и начала обыскивать карманы. Нашли двѣ прокламаціи о прекращеніи работъ.

— Подожди, каналья! я тебѣ покажу, какъ бунтовать другихъ, — оралъ приставъ.

— Я не зачинщикъ, я не зачинщикъ! — твердилъ перепуганный Попіолекъ. — Это мнѣ дали Войтекъ и Франекъ.

— Негодяй! — закричали изъ толпы.

Тѣмъ временемъ столкновеніе между казаками и полиціей съ одной стороны и рабочими съ другой казалось неизбѣжнымъ. Но жандармскій офицеръ расчиталъ, что у него мало силъ, такъ какъ въ данный моментъ не удалось ихъ сосредоточить въ достаточномъ количествѣ.

— Пустить этихъ дураковъ, если они такъ упираются! — приказалъ онъ — скоро они увидятъ, къ чему это ведетъ.

И толпа разошлась, а фабрика стояла молчаливая и мертвая. Попіолка арестовали.

„А вотъ такъ я устроился, — размышлялъ онъ, сидя въ тюрьмѣ, — если бы я раньше зналъ, то бы другимъ предоставилъ добиваться высшей платы, а я бы ужъ воспользовался, ничѣмъ не рискуя“.

И когда его призвали къ допросу, то онъ самъ, безъ всякихъ распросовъ, разсказалъ обо всемъ, что слышалъ или видѣлъ.

— Ужъ я никогда не буду, только отпустите меня — увѣрялъ онъ.

— Отпустимъ, отпустимъ, какъ только выяснится дѣло, — отвѣчалъ жандармъ.

Между тѣмъ проходили дни, недѣли, мѣсяцы, а Поніолекъ все еще сидѣлъ въ тюрьмѣ. Наконецъ, когда онъ ужъ былъ вполнѣ увѣренъ въ своемъ освобожденіи, ему объявили приговоръ, которымъ онъ присуждается за стачку и пропаганду къ тюремному заключенію на полгода.

У него было такимъ образомъ достаточно времени для размышленій. Изъ хода слѣдствія, встрѣчъ въ коридорѣ и т. п. онъ узналъ, что, благодаря его показаніямъ, арестовали многихъ. По временамъ въ немъ заговаривала совѣсть: „столькихъ погубилъ, а себѣ не помогъ“, — думалъ онъ. Однако, онъ тотчасъ же старался оправдать себя: „да развѣ я ихъ просилъ, чтобы они привлекли меня; или я присягалъ молчать? Если бы я не сказалъ всего, то меня быть можетъ повѣсили бы, или сослали въ каторгу. Да и какое мнѣ дѣло до несчастья другихъ!“ И онъ вышелъ изъ тюрьмы увѣренный, что его совѣсть чиста, какъ кристалъ.

По выходѣ изъ тюрьмы онъ узналъ о ходѣ стачки. Стачка была упорная, но начальство приняло всевозможныя мѣры, чтобы ее сло-

мить, и высылкой наиболѣе стойкихъ рабочихъ на родину и привлеченіемъ на фабрику рабочихъ изъ другихъ мѣстностей оно достигло, наконецъ, своей цѣли. Однако, въ концѣ концовъ, уже по возобновленіи работъ, плата была повышена. Впрочемъ, плата почти вездѣ поднялась, во первыхъ, потому, что рабочіе во многихъ мѣстахъ стали требовать повышенія, и, во вторыхъ, благодаря наступившему оживленію въ промышленности. Благодаря всему этому, Поніолекъ скоро получилъ работу и зарабатывалъ гораздо больше, чѣмъ раньше.

А когда онъ соотвѣтственно устроился и обзавелся нѣкоторымъ хозяйствомъ, то онъ вспомнилъ о Юзефѣ. Въ праздничный день, нарядившись, онъ направился къ ней съ намѣреніемъ просить ея руки.

Время послѣдовавшее за стачкой не прошло даромъ для Юзефы, — она многое пережила и передумала. Благодаря показаніямъ Поніолка и она познакомилась съ тюрьмой. Правда, онъ прямо не указалъ на нее, но когда начали выслѣживать и арестовывать ея знакомыхъ, то обнаружилось и ея участіе въ общемъ дѣлѣ. Тюрьма перевоспитала ее и изъ легкомысленной, довольно наивной дѣвушки она превратилась въ серьезное и мыслящее существо. Она даже красивѣе стала

—умъ и доброта свѣтились въ ея глазахъ и придавали ея лицу особую нѣжность и интеллигентность. А безусловная честность и преданность дѣлу снискали ей всеобщее уваженіе.

Попіолка она приняла холодно; а когда тотъ открылъ передъ ней свои чувства, она прямо отвѣтила, что принять его предложенія не можетъ, хотя бы уже потому, что оно исходитъ отъ предателя.

Пощечина произвела бы на Попіолка меньшее впечатлѣніе, чѣмъ эти слова, высказанныя любимой женщиной. Онъ сильно покраснѣлъ и сталъ оправдываться: „вѣдь онъ доносилъ не по собственному желанію— не добровольно; долженъ же онъ былъ спасти себя; и развѣ онъ обѣщалъ кому нибудь сохранять тайну? Онъ тоже рабочій и не можетъ желать зла товарищамъ, но онъ очутился въ такихъ тискахъ, что на его мѣстѣ каждый поступилъ бы такимъ же образомъ“.

— А почему не измѣнили -- Владиславъ, Франекъ, Иванъ и многіе другіе, — отвѣтила возмущенная дѣвушка,—потому что они честные, благородные люди, потому что они всей душей преданы рабочему дѣлу, а за своихъ товарищей готовы кровь пролить. Несчастный! Ты хочешь оправдаться? Развѣ ты ребенокъ, которой ничего не знаетъ, какимъ преслѣдо-

ваніямъ подвергаются дѣятели? А если ты да зналъ и не чувствовалъ въ себѣ достаточно душевной силы, чтобы сохранить тайну въ несчастіи, такъ надо было отказаться и уйти заранѣе. Но разъ ты остался, то слѣдовало молчать. Ты предалъ, негодяй, потому что у тебя низкая, самолюбивая, подлая душа и подлый характеръ. Вонъ отсюда и не смѣй приходить ко мнѣ!

И Поніолекъ ушелъ раздосадованный, прибитый, взбѣшенный. Онъ хотѣлъ бы ее возненавидѣть, но чувствовалъ, что не сумѣетъ этого; онъ задумывался надъ тѣмъ, какъ отомстить ей; но зналъ, что это будетъ свыше силъ его. Эта красивая дѣвушка съ чистой душею импонировала ему. Онъ злился, плакалъ, проклиналъ, но былъ увѣренъ, что безъ нея жить не съумѣетъ и онъ рѣшилъ во что-бы то ни стало расположить ее къ себѣ, а единственное средство, чтобы добиться ея расположенія—это отдаться нелегальной работѣ. „Что-жъ дѣлать,— думалъ онъ,— ставлю свою жизнь на карту!“

На фабрикѣ, въ то время, нѣсколько болѣе интеллигентныхъ рабочихъ занялись развитіемъ своихъ менѣе сознательныхъ товарищей. О Поніолкѣ они знали, что тотъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за стачку, но относительно поведенія его во время слѣдствія они ничего не слы-

хали. Поэтому, когда Попіолекъ предложилъ имъ свои услуги, его приняли съ распростертыми объятіями. И онъ, не жалѣя труда, горячо и искренно принялся за дѣло. Вмѣстѣ съ другими онъ устраивалъ собранія, на которыхъ рабочимъ выяснялись ихъ интересы и положеніе. И единственно чего онъ желалъ— это, чтобы вѣсть о его дѣятельности возможно скорѣе дошла до Юзефы.

А тѣмъ временемъ дѣятельность приняла широкія размѣры и имѣла громадный успѣхъ. Ослѣпленные этимъ успѣхомъ дѣятели становились все менѣе осторожными, и послѣдствіе такой неосторожности не замедлило проявиться.

Одинъ изъ мастеровъ пронюхалъ о томъ, что дѣлается на фабрикѣ и доложилъ объ этомъ фабриканту. Послѣдній далъ знать фабричному инспектору, а тотъ донесъ жандармеріи, что на такой-то фабрикѣ ведется пропаганда.

Жандармскій ротмистръ Бурса прежде всего зашелъ на фабрику и приказалъ подать себѣ списокъ рабочихъ. Онъ внимательно просмотрѣлъ его и пробормоталъ:

— Ого! у васъ тутъ имѣются птички, которыя недурно поютъ.

Когда Попіолекъ въ тотъ день вернулся съ работы и собрался уже лечь спать, къ

нему явился околодочный и вручилъ повѣстку съ требованіемъ явиться къ ротмистру Бурсѣ. Не зная въ чемъ дѣло Поліолекъ сильно встревожился. На слѣдующее утро онъ съ опущенной головой двинулся въ путь. Его принялъ усатый блондинъ среднихъ лѣтъ въ голубой жандармской формѣ.

— Ну-съ, любезный, хорошо тебѣ было въ тюрьмѣ? — спросилъ Бурса.

— Ваше высокородіе изволите шутить,— покорно отвѣтилъ Поліолекъ.

— А ты бы хотѣлъ опять туда попасть.

— Пусть мои враги тамъ сидятъ, а я не буду.

— Нѣтъ, будешь — грозно отвѣтилъ Бурса. — Ты думаешь, что мы не знаемъ о твоихъ дѣлишкахъ? А кто же это, какъ не ты бунтуетъ рабочихъ на фабрикѣ, устраиваетъ собранія, приводитъ на нихъ интеллигентовъ, раздаетъ брошюры? Шкуру съ тебя сдеру! Какъ собаку повѣшу! — все грознѣе кричалъ ротмистръ.

— Ваше высокородіе! — еле живой отозвался Поліолекъ. — Это неправда, у насъ спокойно, и, во всякомъ случаѣ, я то ничего не знаю.

— Ты еще смѣешь запираться, неисправимая бестія, мятежникъ! — закричалъ Бурса.

— Я тебѣ, голубчикъ, развяжу языкъ! Взять его! — обратился онъ къ жандарму.

У несчастнаго со страху подкосились ноги и помутилось въ головѣ; онъ забылъ о Юзефѣ, о принятыхъ имъ рѣшеніяхъ, о товарищахъ, осталась только одна мысль — какъ бы спасти себя. Онъ упалъ передъ Бурсой на колѣни и цѣлуя жандармскія руки, умолялъ пожалѣть его.

— Скажешь? — спросилъ офицеръ, какъ будто смягчившись.

— Скажу!

Ему подали бумагу и приказали писать. Дрожащей рукой онъ заносилъ имя за именемъ, а жандармскіе глаза чуть не выскочили изъ орбитъ отъ напряженнаго вниманія, съ какимъ слѣдили за тѣмъ, что писалъ Попіолекъ. Но вдругъ Попіолекъ вспомнилъ полное благороднаго негодованія лицо Юзефы. „Я покрылъ себя позоромъ, не захочетъ она меня!“ — подумалъ онъ. Онъ быстро схватилъ исписанную бумагу, смялъ ее и хотѣлъ проглотить. Въ ту-же минуту на него набросились два жандарма, исцарапали ему лицо, расщемили зубы и добыли дорогой для нихъ документъ. Бурса, видя, что передъ нимъ человѣкъ, на котораго можно дѣйствовать страхомъ, разразился угрозами и проклятіями и подъ конецъ отвѣсилъ ему тяжелую пощечину.

И Попіолекъ опять сѣлъ писать, и, хотя сердце у него сжималось отъ боли, онъ продолжалъ свое предательское дѣло. Наконецъ онъ кончилъ и подписался. Бурса взялъ бумагу и внимательно прочиталъ ее, изрѣдка поглядывая на Попіолка, который, дрожа всѣмъ тѣломъ, стоялъ передъ нимъ, какъ олицетвореніе подлости и духовной нищеты.

— Что мнѣ съ тобою сдѣлать! — цѣдилъ сквозь зубы ротмистръ.—Собственно тебя бы слѣдовало арестовать, но впрочемъ.... гм.... разъ ты откровенно сознался, то я, пожалуй, могу тебя освободить....

— Ваше высокородіе!—въ состояніи былъ только вымолвить Попіолекъ и на его угнетенной собачьей физіономіи такъ и блеснула радость.

— Помни однако,—тянулъ дальше жандармъ,—что я каждую минуту могу тебя арестовать. Ну, Богъ съ тобой! Ступай!

Попіолекъ бочкомъ попелся къ дверямъ, а когда онъ очутился на улицѣ, то изо всей силы началъ бѣжать. Наконецъ, сильно измученный онъ остановился. Первымъ его ощущеніемъ была—радость, радость человѣка, который почувствовалъ свободу, но эта радость скоро смѣнилась волной болѣе горькихъ чувствъ; „я измѣнилъ во второй разъ,—подумалъ онъ,—негодяй я, подлецъ!“

Страхъ объялъ его, когда онъ подумалъ, что будетъ съ тѣми, на кого онъ донесъ. Онъ хотѣлъ бѣжать, чтобы возможно скорѣе ихъ предостеречь и во всемъ признаться передъ товарищами, но воздержался. „Во первыхъ, — подумалъ онъ, Бурса несомнѣнно арестуетъ меня за это, во вторыхъ, я унижусь въ глазахъ всѣхъ, и Юзефа никогда уже не проститъ меня, а между тѣмъ никто вѣдь еще не знаетъ, какъ я себя велъ, и, быть можетъ, и не будетъ знать“. Онъ рѣшилъ только на будущее время держаться вдали отъ всякой нелегальной дѣятельности; онъ чувствовалъ, что можетъ только опять явиться причиной провала. И онъ поднялъ руки къ небу и произнесъ: „клянусь тебѣ, великій боже, что буду сторониться отъ всего; заткну уши, когда около меня будутъ говорить; закрою глаза, когда вблизи меня что либо будутъ дѣлать! И сотри меня, какъ гадину, съ лица земли, если я не сдержу этой клятвы!“ Успокоенный онъ вернулся домой.

Начались многочисленные аресты. Въ тюрьму посадили массу людей и помимо тѣхъ, на которыхъ указалъ Попіолекъ, а онъ смотрѣлъ на это спокойно, думая только о томъ, какъ бы расположить къ себѣ Юзефу.

Несмотря на всѣ эти аресты, дѣятельность не прекратилась. На мѣстѣ арестованныхъ

появились новые люди и продолжали начатое дѣло. Обращались за содѣйствіемъ также и къ Поліолку, о которомъ слыхали, какъ объ энергичномъ дѣятелѣ, но онъ отказался, отговариваясь тѣмъ, что его подозрѣваютъ и за нимъ сильно слѣдятъ.

Однажды онъ опять получилъ увѣдомленіе предстать предъ грозныя очи Бурсы. Когда онъ явился, то жандармъ, еле сдерживая хитрую улыбку, сталъ испытывающе всматриваться въ него.

— Какъ тебѣ кажется, — отозвался онъ наконецъ, — зачѣмъ я тебя освободилъ?

— Зачѣмъ, — отвѣтилъ Поліолекъ, — чтобы я жилъ спокойно и ни во что не вмѣшивался.

— Ну, нѣтъ, совсѣмъ не за этимъ. Ты долженъ принимать участіе во всякой нелегальной дѣятельности и подговаривать другихъ къ тому же.

— Какъ такъ? — удивился Поліолекъ, — вѣдь вы бы меня тотчасъ арестовали.

— А почему ты до сихъ поръ не донесъ ничего новаго? — отвѣтилъ жандармъ.—Если такъ пойдетъ дальше, то я тебя навѣрное арестую.

— За что? Вѣдь я теперь ни во что не вмѣшиваюсь...

— А почему ты сразу не разсказалъ мнѣ

всего? Ты о многомъ умолчалъ. Видишь, какой ты дуракъ! Прежде, хотя я и угрожалъ тебѣ арестомъ, но доказательствъ противъ тебя у меня не было, а теперь смотри!.... Тутъ онъ досталъ два листа исписанной бумаги и подалъ Попіолку. Тотъ посмотрѣлъ и задрожалъ: это были показанія заключенныхъ, которые указывали на него, какъ на главнаго дѣятеля. Попіолекъ перемѣнился въ лицѣ, то блѣднѣя, то краснѣя. Бурса же смотрѣлъ на него съ видимымъ удовольствіемъ.

— Ха-ха-ха! — разразился онъ, наконецъ, громкимъ смѣхомъ, — ты будешь моей вѣрной собакой, или пойдешь въ Сибирь. Что, попался! Ты ужъ не оттоваривайся незнаніемъ, потому что и мнѣ кое что извѣстно. А теперь — ступай, но если черезъ недѣлю ты не сообщишь мнѣ ничего новаго, то, какъ богъ святъ, я арестую тебя.

Недѣля приходила къ концу, а Попіолекъ все еще боролся съ собой. Онъ быть можетъ и не особенно колебался бы, но его удерживали, во первыхъ — боязнь, что Юзефа можетъ обо всемъ узнать, и во вторыхъ собственная клятва. Но наконецъ, онъ нашелъ выходъ изъ затруднительнаго положенія, рѣшивъ разсказать своимъ знакомымъ о томъ, что требуетъ отъ него Бурса. Когда тѣ узнали объ этомъ, то почувствовали къ Попіолку еще

большее довѣріе, совсѣмъ не подозрѣвая, что онъ имѣлъ въ виду только отстранить ихъ отъ себя, да подняться въ глазахъ Юзефы. Въ назначенное время онъ явился къ Бурсѣ и разсказалъ небылицы про какія то новыя связи и знакомства, которыя ему будто удалось завести.

Немного времени спустя къ Попіолку среди ночи неожиданно явились жандармы. Не говоря ни слова, ни о чемъ не спрашивая, они его забрали и отвезли въ тюрьму, въ которой онъ просидѣлъ около трехъ недѣль въ полной увѣренности, что безвозвратно погибъ. Наконецъ явился Бурса. Онъ остановился на порогѣ и сталъ хохотать.

— Ну чтожъ, голубчикъ, ты немножко наврал? Быть можетъ, ты думалъ, что помимо тебя я уже ничего не могу узнать!... А вотъ, мои агенты и удостовѣрили, что ты меня обманулъ. Если хочешь теперь выйти отсюда, то ты долженъ сообщить мнѣ хоть нѣсколько именъ.

„Что-же мнѣ дѣлать?“ — подумалъ Попіолекъ и сталъ перечислять по фамиліямъ своихъ новыхъ знакомыхъ, а жандармъ записывалъ.

— Видишь, какой я добрый! — сказалъ, по нѣкоторомъ размышленіи, Бурса, — я еще разъ выпущу тебя, но ты ужъ долженъ честно

работать для меня!... Денька два ты еще посидишь, пока я не заберу указанныхъ тобою лицъ, а потомъ, маршъ, на работу! А то, что ты сидѣлъ, тебѣ же на пользу послужитъ — усилитъ къ тебѣ довѣріе.

Поніолекъ такимъ образомъ опять очутился на свободѣ. Отъ прежнихъ угрызеній совѣсти онъ совершенно излѣчился. „Да мнѣ то какое дѣло? — думалъ онъ, — пусть себѣ гибнутъ; не мнѣ же погибать за нихъ“. И только воспоминаніе о Юзефѣ временами нарушало еще покой его подлой души. Онъ дрожалъ при мысли, что его новая роль станетъ извѣстной, и она узнаетъ обо всемъ.

И то, чего онъ боялся, наконецъ, случилось. Было замѣчено, что всѣ имѣющіе какое нибудь дѣло съ Поніолкомъ, попадаются. Разошлась молва, что Поніолекъ шпіонъ и его стали остерегаться. Онъ отправился по этому поводу къ Бурсѣ съ жалобой.

— Какъ мнѣ быть? — спросилъ онъ. — Меня называютъ шпіономъ, хоть видитъ богъ, что я вовсе не шпіонъ, вѣдь не за деньги служу я вамъ! Всѣ сторонятся меня.

— Шпіонъ ли ты, или нѣтъ — объ этомъ спорить не будемъ, — отвѣтилъ жандармъ,— а вотъ ты лучше скажи мнѣ, не предвидится ли чего нибудь интереснаго?

— Есть кое-что... Рабочіе хотятъ устроить какія то кассы борьбы.

— Это интересно! — сказалъ Бурса и задумался. — Знаешь что, — добавилъ онъ, — ты выслѣди, кто больше всѣхъ говоритъ противъ тебя и заяви, что это именно они шпіоны, а я ужъ помогу тебѣ, арестуя ихъ знакомыхъ.

Благодаря этой хитрости, Поніолекъ снова втерся въ кругъ нелегальныхъ дѣятелей, но на этотъ разъ уже не на долго. Масса новыхъ фактовъ, наконецъ, вполнѣ упрочили его репутацію, какъ шпіона.

Однажды онъ проходилъ по улицѣ и услышалъ за собою слова:

— Смотрите — это шпіонъ! — Онъ оглянулся и оцѣпенѣлъ: это Юзефа указывала на него проходившимъ мимо рабочимъ. Кровь бросилась ему въ лицо. Вся мерзость его положенія явственно стала передъ его глазами, и онъ бросился въ боковую улицу, чтобы возможно скорѣе скрыться... Съ растерзанной душой онъ бѣжалъ, куда глаза глядятъ, пока не очутился въ кабакѣ.

— Водки! — закричалъ онъ и въ тотъ день онъ такъ напился, что его еле живого отвезли домой. Въ кабакѣ онъ сталъ теперь постояннымъ гостемъ. Водка давала ему забвеніе и придавала храбрости. Со своимъ по-

ложеніемъ онъ скоро совсѣмъ свыкся и даже пересталъ бояться Бурсы, когда понялъ, что тотъ въ немъ нуждается. Онъ сдѣлался настолько смѣлымъ, что разъ, будучи, по обыкновенію, немного пьянъ, отправился къ нему и потребовалъ платы за свои услуги.

— На службѣ у васъ я вконецъ изведу себя, — сказалъ онъ. — Я часто принужденъ отлучаться съ работы и, чертъ его знаетъ, зачѣмъ! Зарабатываю я мало, и вы мнѣ до сихъ поръ ничего не дали. Ужъ, право, пора было бы назначить мнѣ какое нибудь жалованіе!

Бурса подскочилъ на своемъ креслѣ. Правда, онъ получалъ деньги на содержаніе сыщиковъ, но предпочиталъ эти деньги оставлять у себя, а на своихъ агентовъ дѣйствовать страхомъ. Тѣмъ болѣе великъ былъ его гнѣвъ.

— Будь доволенъ, — закричалъ онъ, — что не гніешь въ Сибири, а о жалованьи ужъ лучше и не вспоминай!

— Пугайте другихъ! — спокойно отвѣтилъ Поніолекъ, — я уже ученье кончилъ и мнѣ пора получить знаніе мастера. А отъ Сибири меня защититъ хотя бы ротмистръ Лыкевичъ, который уже предлагалъ мнѣ значительныя деньги, чтобы я только бросилъ васъ и перешелъ на службу къ нему.

— Ну, ужъ я не знаю, кто-бы тебя защи-

тилъ отъ меня,—сказалъ Бурса уже значительно мягче,—но, такъ и быть, я назначу тебѣ жалованье. Будешь получать со штуки: за крупную рыбу—больше, за малую —меньше.

— Хорошо!—сказалъ Попіолекъ, и они разошлись въ добромъ согласіи.

Вначалѣ онъ имѣлъ недурной заработокъ, но потомъ ему все какъ-то не везло; онъ все меньше находилъ легковѣрныхъ. При этомъ онъ совсѣмъ отвыкъ отъ работы въ мастерскихъ. Работая только для виду, онъ окончательно разлѣнился, а легко достававшіяся ему деньги пропивалъ. Поэтому, когда его заработки стали уменьшаться, онъ очутился въ порядочной нуждѣ. Онъ дошелъ до того, что не имѣя на что пить, переходилъ изъ кабака въ кабакъ и угрозами сдѣлать доносъ выманивалъ рюмку, другую водки. Такъ проходила его жизнь въ матеріальной и духовной нищетѣ. Но послѣ долгаго перерыва онъ опять попалъ на золотоносную жилу. Онъ познакомился съ какими то молодыми людьми, которымъ представился въ качествѣ рабочаго изъ Кракова, преслѣдуемаго русскимъ правительствомъ. Онъ ихъ легко провелъ, и тѣ ввели его на рабочія собранія, на которыхъ ему привелось слышать разныхъ ораторовъ и ему казалось, что онъ сдѣлалъ весьма важныя открытія. Они были настоль-

ко легковѣрны, что дали ему даже деньги, на которыя онъ тотчасъ же напился и затѣмъ отправился къ Бурсѣ. Онъ пришелъ ужъ поздно вечеромъ, Бурса собирался лечь спать

— Что ты скажешь?—спросилъ онъ.

У Попіолка заплетался языкъ и его трудно было понять. Долго мучился съ нимъ Бурса, пока наконецъ не понялъ въ чемъ дѣло.

— Дуракъ! —сказалъ онъ,—эти молодые люди—мои новые агенты, болѣе ловкіе, чѣмъ ты. Ступай спать, если не можешь мнѣ сообщить ничего болѣе интереснаго.

— Ну, я совсѣмъ не такой дуракъ, — отвѣтилъ Попіолекъ.—Агентовъ вашихъ я знаю, я старый воробей, а эти несомнѣнно весьма опасные люди. И онъ началъ разсказывать новыя подробности, которыя какъ то болѣе заинтересовали жандарма.

— Во всякомъ случаѣ, — замѣтилъ онъ, записывая сообщенія Попіолка, — ты бы лучше сдѣлалъ, еслибы пришелъ ко мнѣ трезвымъ.

— Не скажите, — отвѣтилъ тотъ, — трезвый я быть можетъ ничего не сказалъ бы о Юзефѣ, а пьяный — могу, отчего бы нѣтъ?

— Какая Юзефа?

— Да тутъ есть одна негодница, которая пренебрегаетъ мною за то, что я служу вамъ. И онъ разсказалъ все, что только зналъ.

Жандармъ записалъ и это. Потомъ онъ далъ Поніолку трехрублевку и слегка вытолкнулъ его за дверь.

— Ступай, выпей еще! сказалъ онъ ему на прощанье.

Поніолекъ очутился на свѣжемъ воздухѣ. Ночной холодъ нѣсколько отрезвилъ его и далъ возможность немного опомниться. И вдругъ его точно обухомъ по головѣ ударило страшное воспоминаніе: онъ предалъ Юзефу! Волосы у него стали дыбомъ, какъ подкошенный онъ упалъ на землю; онъ сразу протрезвился, и передъ его глазами предстала та ужасная пропасть, которая его отдѣляетъ отъ всего порядочнаго и честнаго. Онъ поднялся на ноги и снова упалъ. Наконецъ, онъ всталъ и медленно поплелся прямо за городъ, самъ не зная куда идетъ. Онъ шелъ съ опущенной головой, какъ собака, которая чувствуя, что взбѣсится, оставляетъ навсегда домъ своего хозяина, чтобы случайно его самаго не укусить. За нимъ, какъ тѣни, слѣдовали три человѣка...

— Ахъ, какъ это страшно проливать кровь человѣка! — шепотомъ говорилъ одинъ изъ нихъ, — я бы охотно отказался.

— Намъ нельзя быть слабыми! — отвѣтилъ другой. — Помни, что ты защищаешь жизнь весьма многихъ благородныхъ и доро-

гихъ тебѣ людей, наконецъ, что защищаешь связанное съ ними святое дѣло. Этотъ негодяй знаетъ уже слишкомъ много; онъ не отдаетъ себѣ только отчета въ важности того, что знаетъ. Одинъ проблескъ мысли въ его несчастной, пьяной головѣ — и все потеряно. Пускай же лучше погибнетъ одинъ подлецъ вмѣсто многихъ благородныхъ!

А темная ночь прикрыла разыгравшуюся драму....